

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л.Н. ГУМИЛЕВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (КАЗАХСТАН),

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГОРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (РОССИЯ)
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

Материалы X Международной
научно-практической конференции

г. Екатеринбург, 2022

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НАО «ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Л.Н. ГУМИЛЕВА»**

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУВО «УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГОРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ**

**Екатеринбург
2022**

УДК 81'42
ББК 81.2-5
Т 32

Редакционная коллегия:

Е.А. Журавлёва (отв. ред., Казахстан), Л.Г. Юсупова (отв. ред., Россия),
Ж.А. Джамбаева, Г.К. Аюпова, Д.С. Ташимханова (Казахстан)

Т 32 Текст в системе обучения русскому языку и литературе:
материалы X Международной научно-практической конференции / Отв.
ред. Е.А. Журавлёва, Л.Г. Юсупова. – Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2022. –
360 с.

ISBN 978-5-8019-0535-8

Сборник содержит статьи участников X Международной научно-практической конференции «Текст в системе обучения русскому языку и литературе», организованной по инициативе кафедры теоретической и прикладной лингвистики ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Казахстан) совместно с кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации УГГУ (Россия). Материалы посвящены тексту как объекту лингвистического исследования, его функционированию в поликультурном пространстве, интерпретации художественного текста, отражению в тексте русской культуры, внедрению новых информационных технологий в преподавание русского языка и литературы.

Издание предназначено широкому кругу научных работников и преподавателей, а также докторантам, магистрантам и студентам, интересующимся проблемами исследования текста.

УДК 81'42

ISBN 978-5-8019-0535-8

© Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, 2022

© Уральский государственный горный университет, 2022

© Авторы, постатейно, 2022

14. Pesina S., Yusupova L. Words Functioning in Lexicon // Procedia - Social and Behavioral Sciences, Vol. 192, 24 (2015), P. 38-43.

УДК 81'373:82-32

МИКРОТЕКСТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Самотик Л.Г.¹, Джамбаева Ж.А.².

¹Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия

²Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
г. Нур-Султан, Казахстан

Работа представляет собой описание микротекстов в рамках художественного произведения. Выделяются 5 разновидностей микротекстов по значению и по типу текста. Определяется особенность стиля сибирских писателей деревенщиков: В.М. Шукшина, В.Г. Распутина и В.П. Астафьева.

Ключевые слова: художественный текст, микротекст, макротекст, писатели – деревенщики, авторский стиль.

MICROTEXT IN AN ARTISTIC TEXT

The work presents a description of microtexts within the framework of a work of art. There are 5 varieties of microtexts by meaning and by type of text. The peculiarity of the style of Siberian village writers is determined: V.M. Shukshin, V.G. Rasputin and V.P. Astafiev.

Key words: literary text, microtext, macrotext, rustic writers, author's style

Самой крупной единицей синтаксиса в школьном курсе русского языка обозначено предложение. Мало того, в трёх академических грамматиках – это тоже предложение [7; 8; 12]. Однако традиционно и понятие текста. В языкознании существует развёрнутое учение о тексте (текст, кроме того, рассматривается и в музыке, живописи, архитектуре и т.д.).

Есть мнение, что учителя школ должны получать информацию о предмете в том объёме, который будут излагать. Абсурдность такого подхода очевидна. Если это положение продолжить, то учителя, в сущности, получают все необходимые знания, заканчивая среднюю школу. Учитель должен знать свою дисциплину досконально, знать о предмете неизмеримо больше обучающегося, а студент педагогического вуза получать полноценное высшее лингвистическое образование. Кроме всего прочего, школьная программа меняется в сторону сближения с научными достижениями. И как будет выглядеть учитель -недоучка? Поэтому знания основных единиц русского языка имеют и методическую ценность.

Есть противопоставленные понимания текста (текст как уровень языковой системы, текст как высшая единица языка, текст как единица речи и высшая единица общения в противоположность предложению и т.д.). Мы придерживаемся точки зрения тех авторов, которые рассматривают текст как речевую единицу (Н.С. Болотнова, Т.В. Матвеева, М.Н. Кожина, Е.А. Баженова, М.П. Котюрова и др.).

Рассмотрение предложения как самой крупной единицы синтаксиса давно не устраивает многих исследователей. Используется целый ряд терминов, обозначающих большую единицу: сложное синтаксическое целое (А.М. Пешковский), сверхфразовое единство (О.С. Ахманова), абзац (А.М. Пешковский, Л.В. Щерба А. Солганик), компонент текста (И.А. Фигуровский), синтаксический комплекс (А.И. Овсянникова), приравнивают к новой единице период, а в зарубежной лингвистике другие имено-

вания. Сегодня по-прежнему актуальна монография И.Р. Гальперина, где текст – «сложное структурное единство, более чем из одного самостоятельного предложения, обладающее смысловой целостностью в контексте связной речи и выступающее как часть завершённой коммуникации» [6: 69].

Текст художественной литературы равен произведению. Нами выбран как рабочий термин *микротекст*, связывающий его с *макротекстом*, таким образом, обеспечивается терминологическая связь между ними. Это текст в тексте.

Микротекст – это «относительно самостоятельная структурно-смысловая или синтактико-тематическая единица целого текста. <...> объем микротекста как единицы может быть разным – от целого отдельного текста до относительно самостоятельного высказывания в рамках абзаца, сложного синтаксического целого или сверхфразового единства» [9]. Анализ и описание микротекстов «проводится в четырех планах: 1) в плане семантики; 2) в плане прагматики; 3) в плане синтактики; 4) в плане функционирования» [6: 70].

Цель данной работы – выявить разновидности микротекстов ХТ по отношению к макротексту (произведению). Метод описательный. Используемые ХТ изучаются на филологических факультетах наших вузов в рамках специальных курсов как литературоведческого, так и лингвистического направления, к примеру, теория литературы и практика читательской деятельности; фольклор и литература Сибири; теория, методика и практика литературоведческого анализа; филологический анализ текста и т.п.

Мы выделяем разновидности микротекстов по значению и по типу текста. 1. Символическое значение – патетический текст. 2. Философское значение – рассуждение. 3. Публицистическое значение – убеждение. 4. Этнографическое значение – познавательный текст. 5. Традиционное

значение: природа, портрет – описательный текст. Основная черта таких микротекстов – их значение, семантика. Связь с макротекстом при этом различна.

1. Микротекст повести В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой» «Царский лиственень» [11: 13-177] большой по объёму – 19 глава, с. 143-148. Это **символ стойкости Матёры**: *«Матёру, и остров и деревню, нельзя было представить без этой лиственницы на поскотине. <...> Но говорить «она» об этом дереве никто, пускай пять раз грамотный, не решался; нет, это был он, «царский лиственень» – так вечно, могуче и властно стоял он на бугре в полверсте от деревни, заметный почти отовсюду и знаемый всеми»* [11: 145-147]. Уничтожают деревню: *«И вот настал день, когда к нему, к «царскому лиственю», подступили чужие люди»* [Там же]. Лиственень пытаются поджечь, спилить – ничего не получается: *«Неповалимый, – сдался он (бригадир) и, зная теперь лиственю полную цену, еще раз смерил его глазами от земли доверху. <...> Один выстоявший, непокорный «царский лиственень» продолжал властвовать надо всем вокруг. Но вокруг него было пусто»* [11: 148]. Больше автор к нему не обращается, микротекст закончен.

Такую же символическую роль выполняет и микротекст «Капля» из одноимённого рассказа В.П. Астафьева: *«На заостренном конце продолговатого ивового листа набухла, созрела продолговатая **капля** и, тяжелой силой налитая, замерла, боясь **обрушить мир своим падением**. И я замер»* [4: 56]. А дальше ассоциации автора с войной. Микротекст небольшой, 12 строк. Кончается он так: *«"Не падай! Не падай!" – заклинал я, просил, молил, кожей и сердцем внимая покою, скрытому в себе и в мире»* [Там же]. Микротекст противопоставлен не только предутренней тишине тайги одного рассказа, но всему произведению («Царь-рыба»). Природа, люди будут жить своей жизнью, пока не *«обрушится капля»*, не начнётся война.

2. Микротексты в повестях В.Г. Распутина на морально-этические темы идут не от автора, а от героев. Они связаны с макротекстом не по отдельности, а в целом. Так, «старухи» в повести «Прощание с Матёрой» размышляют о жизни. Дарья о совести: *«А-а, про совесть. Раньше её не видать было: то ли есть она, то ли нету. Кто с ей – совестливый, кто без неё – бессовестный. <...> Народу стало много боле, а совесть, поди-ка, та же – вот и истончили её <...>. Чё про совесть, ежели такое творится»* [11: 36]. Микротекст небольшой – 14 строк. Катерина про стыд [11: 126] – 12 строк, Дарья про вину перед людьми и судьбу [11: 126-127] – 21 строка и т.д.

У В.П. Астафьева такие микротексты идут от автора, имеют значительную силу обобщения: *«Как часто мы бросаемся высокими словами, не вдумываясь в них. Вот долдоним: дети – счастье, дети – радость, дети – свет в окошке! Но дети ещё и мука наша. Вечная наша тревога.<...>»* [4: 57-58]. И в конце (15 строк): *«И как подумаешь: вот скоро умирать, а они тут останутся одни, кто их, кроме отца и матери, знает такими, какие они есть? Кто их примет со всеми изъянами? Кто поймёт? Простит?»* [Там же]. Микротекст о смерти: *«Разучились люди в суете думать о смерти, готовиться заранее к вечному кочевью, нет его – вызнали шибко умные люди; каждый со школы знает: смерть – темень, прах, тлен; умирать – значит пропасть насовсем, сгнуть, червям себя скормить»* [4: 389-390] – 22 строки. Эти микротексты несут философское значение.

3. Публицистические микротексты характерны для творчества В.П. Астафьева. Так, рассказ «Летит чёрное перо» из «Царь-рыбы» делится на две части. Вторая часть чисто публицистический текст [13: 395]. Он строится на противопоставлении большого шума в прессе и по радио о том, как московский школьник убил в зоопарке селезня, и молчании о массовом истреблении птиц в стране. *«Осенью – бедствие боровой птице, особенно глухарю. От людей бедствие, от самых разумных существ, как*

их называл радиотранзистор» [4: 210]. Приводятся факты о массовом истреблении птиц. Местная заготконтора начала принимать глухарей за приличные по тому времени деньги: *«Но холодильника не было, а осень стояла тёплая, и птица сорела на складе <...> Глухарей навозными вилами грузили в кузова машин и возили на свалку»* [4: 212]. По всему посёлку носились перья.

В некоторых художественных текстах микротексты даются с подзаголовками. Так, с подзаголовком «Ремарка» в романе Ч.А. Абдуллаева приводятся подлинные публицистические тексты: выдержки из газет, сообщений РИА «Новости», ИТАР – ТАСС и т.п. [2]. В его же романе с подзаголовком «Воспоминания» пересказ политических событий прошлого авторским текстом [1]. Разнообразны подзаголовки в произведении Ю.С. Семёнова «Семнадцать мгновений весны»: «Информация к размышлению», «Из партийной характеристики члена НСДАП», «Стенограмма совещания у фюрера» [15] и т.д.

4. В ряде художественных текстов представляется другая культура. Вот описание мужской хакасской сборчатой рубашки: *«Сагдай уже надел поданную Домной чистую нижнюю рубаху. Сверху натянул повседневную хакасскую сборчатую со множеством пуговиц. С пуговицами этими он не ладит. <...> Пальцы дочери, на которые Сагдай смотрит против солнца, просвечивают розовым. Прикосновения их быстры, легки. «Прай!» (сноска: «Всё готово!») (14 строк) [10: 139]. Вот что такое стойбище у эвенков: «Хинкорча соскочил с санок, улыбнулся радостно: – Мой родной стойбище – Кумондо! Ошаров недоуменно огляделся, заметил одинокий чум, крытый тыксой – варёной берестой» [16: 84]. Оказывается, стойбище – это постоянное место, где собираются эвенки весной. Ловят здесь рыбу, общаются. А зимой все разъезжаются по тайге – сезон охоты (МАС: ‘Место временного расположения, стоянки кого-либо’). «Однако, так. Все здесь чумы ставят» [16: 84] – 24 строки.*

В переводе А. Ким романа М.О. Ауэзова «Путь Абая» развёрнуто показан обычай приёма родственников (42 строки): «<...> домашние бесшумно и споро стали приготавливать место для дастархана, расставили чашки – прежде всего перед старшими <...> На дастархан выставили свежие баурсаки из кислого теста <...> глубокий поднос дымящегося паром жаркого – это был не обычный куырдак из мелко нарезанного мяса <...>, называемый «жаубуйрек». Это кушанье обычно запивали кислым кумысом» [5: 167-168].

5. Традиционные микротексты – развёрнутые портреты героев и описание природы не популярны в современной литературе. Так, представлен В.П. Астафьевым Аким («Царь-рыба»): «По Енисею в лодке сплывал паренёк в светленьких и жидких волосёнках, с приплюснутыми глазами и совершенно простодушной на тонкокожем, изветренном лице улыбкой» [4: 41]. Героиня повести В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой» описана так: «Старуха Дарья, высокая и поджарая, на голову выше сидящей рядом Симы, чему-то согласно кивала, уставив в стол строгое бескровное лицо с провалившимися щеками» [11: 17].

Однако природа представлена в произведениях «деревенщиков» разнообразно. Три писателя: В.Г. Распутин, В.П. Астафьев, В.М. Шукшин делают это различно. Всё действие основных произведений Распутина и Шукшина происходит на фоне природы, которая тесно связана с селом. Тексты небольшие, но авторы умеют написать необычно, нестандартно. У В.П. Астафьева же – это преимущественно тайга. Она существует отдельно от человека, она выше его. Так, «Егор сидел посреди разгромленной избышки на чурбаке <...>. Начало лета. Непостижимая, тихая красота <...> И тишина... Такая, что с ума сойти можно» [17: 141] – 6 строк. Или «Младшие братья наскоро ополоснули лица, пошли во двор убираться – задавать корм скоту, поить лошадей... Занимался рассвет. <...> Воздух стоял чистый, по-утреннему свежий, с тонким запахом дыма и парного

молока» [17: 10] – 8 строк. Дела людей плохие и хорошие, а природа всегда прекрасна.

У В.Г. Распутина пейзаж, погода – это часть сюжета. Так, в повести «Деньги для Марии» все поиски Кузьмы средств покрыть недостачу тщетны – дует ветер: *«Кузьма хорошо знает, что ветер поднялся только сегодня и что ещё ночью, когда он вставал, было спокойно, и всё-таки не может отделаться от чувства, что ветер дует давно, все эти дни»* [11: 508]. Или *«Кузьма не может отделаться от мысли, что одно с другим связано и ветер дует не зря»* [11: 522]; *«Он (Кузьма) смотрит в окно – там всё ещё ветер* [11: 537]. И вот герой приезжает в город за помощью к брату. Как часто у Распутина, в конце – недосказанность сюжета. Он только стучит в дверь. Но читатель уверен, что здесь Кузьме помогут: *«Кузьма сходит с поезда и от неожиданности замирает: снег. Большими, лохматыми хлопьями он падает на землю. И в наступающих утренних сумерках земля начинает белеть. Ветра нет и в помине»* [11: 592]. Так и в повести «Прощание с Матёрой». Пока есть призрачная надежда, что всё будет по-старому, – природа спокойна, пейзаж радостный. В последние часы Матёры *«туман сомкнулся ближе и заморосил, забусил даже и не мокренью, а какой-то мелкой, как пыль, липкой серой испотью <...>. Уже через пять минут после того, как снялись, забрались в такой плотный, дремучий туман, что в двух метрах различить что-нибудь впереди было совершенно невозможно»* [11: 172] – 23 строки. *«В тусклом размытом мерцании проносятся мимо, точно при сильном вышнем движении, большие и лохматые, похожие на тучи, очертания»* [11: 176]. Будут ли спасены четверо стариков и ребёнок? Опять сюжетная недосказанность. Но читатель надеется: *«Донёсся слабый, едва угадывающийся шум мотора»* [Там же].

У В.П. Астафьева, в основном, природа – это тайга [14], но природа привлекает внимание писателя уже в первом его произведении о войне. В

рассказе «Сибиряк» (предыдущие заголовки: «Гражданский человек», «Матвей») мы читаем: *«Утром закурился над землёй какой-то робкий, застенчивый туман и быстро заполз в лога, пал тихой росой на траву. И роса была какая-то пугливая. Капли её чуть серебрились и тут же гасли. И всё-таки роса смыла пыль с травы <...>, – брызнули, рассыпались мелкие искры по полям, и в деревенских садах да в реденьких ветлах, что прижились у ручейка, затянутого ряской, защebetали пичужки, сыпанули трелями соловьи»* [3: 72]. Почему значительный по объёму текст так легко читается? Ведь мы не любим про природу! А это уже и не совсем природа. Это почти человек: *туман робкий и застенчивый, роса пугливая* и т.п. Автор нашёл свою манеру письма. В рассказе «Капля» текст с описанием тайги начинается: *«На речке появился туман. <...>* [4: 41]. И дальше почти шесть страниц! *«В глубинах лесов угадывалось чьё-то тайное дыхание, мягкие шаги. И в небе чудилось осмысленное <...> В такой райской тишине и в ангелов поверишь, и в вечное блаженство, и в истлевание зла, и в воскресение вечной доброты...»* [4: 56-61]. С другой стороны, человек противопоставлен величию природы: *«Звёзды потухали иль разбивались на осколки, взамен их расцветали на небе другие. И деревья в тайге умирали и рождались...»* [4: 56-61]. *«Нам только кажется, что мы преобразовали всё, и тайгу тоже. Нет, мы лишь ранили её, повредили, истоптали, исцарапали, ожгли огнём. Но страху, смятённости своей не смогли ей передать, не привили и враждебности, как ни старались. Тайга всё так же величественна, торжественна, невозмутима»* [Там же]. Вот так.

Итак, нами выделено 5 типов микротекстов. Они составляют особо выразительную часть художественных текстов. Каждый писатель индивидуален в своём творчестве, в их использовании.

Библиографический список

1. Абдуллаев Ч.А. Право на легенду. М.: АСТ: Астель, 2005. 317 с.
2. Абдуллаев Ч.А. Распад. После заката. М.: Эксмо, 2012. 317 с.
3. Астафьев В.П. Сибиряк // Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Т.1. Красноярск, ПИК «Офсет», 1997. 608 с.
4. Астафьев В.П. Царь-рыба // Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Т.6. Красноярск, ПИК «Офсет», 1997. 608 с.
5. Ауэзов М.О. Путь Абая: Роман / Пер. А. Кима. Кн 1. Алматы: Жазушы, 2012. 568с.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. :Наука, 2005. 137 с.
7. Грамматика русского языка. Т.П. Синтаксис. Ч. 1. / Ред. В.В. Виноградов и др. М.: АН СССР, 1960. 702 с.
8. Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
9. Данилевская Н.В. Лингвистический анализ текста и микротекста // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://clck.ru/qE3Di> свободный. яз. рус.
10. Доможаков Н.Г., Кобяков В.А. В далёком аале /Пер Г. Сысолятина. Абакан: Хакасское отделение, 1987. 240 с.
11. Распутин В.Г. Прощание с Матёрой. М.: Эксмо, 2015. 701 с.
12. Русская грамматика. Т.П. Синтаксис / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.
13. Самотик Л.Г., Садырина Т.Н. Виктор Петрович Астафьев. Вологодский и красноярский периоды творчества (1970–2001). Красноярск: РАСТР, 2021. 512 с.
14. Самотик Л.Г. Проблемы экологии в произведениях В.П. Астафьева разных периодов творчества // Литература и культура Сибири: прошлое, настоящее и горизонты изучения: материалы конференции. Красноярск: КУНБ, 2022. С. 96-107.
15. Семенов Ю.С. Семнадцать мгновений весны. СПб.: Амфора, 2015. 343 с.
16. Трошев Ж. П. Большой Ошар. Красноярск: Кн. изд-во, 1973. 399 с.
17. Шукшин В.М. Любавины. М.: Советский писатель, 1990. 491 с.